

ОСНОВАНИЯ, ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРАКТИК РАЗВИТИЯ

ЦИФРА КАК СОБЛАЗН. ЧЕЛОВЕК И НОВЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД

С.А. Смирнов

В статье обсуждается проблема влияния на человека процесса внедрения умных технологий в повседневность. В связи с этим автор обсуждает разные антропологические тренды, доминирующие в современности. Это тренд ухода, тренд защиты и тренд альтернативы. Автор ставит вопрос о том, что ситуация фактически является принципиально открытой. Мы пока не знаем, какой тренд победит. Победит ли тренд ухода человека, отказа им от самого себя и замены себя Постчеловеком, или победит тренд, альтернативный первому, то есть стремление человека сохранить себя и по-прежнему оставаться существом мыслящим, любящим и страдающим. Обсуждается понятие этической и гуманитарной экспертизы. Предлагается иное понятие – антропологической альтернативы.

Ключевые слова: человек, ситуация человека, соблазн, цифра, гаджет, умные технологии, этическая экспертиза, гуманитарная экспертиза, антропологическая альтернатива.

Вопрос

Уже никого не удивляет тот факт, что миллионы людей фактически живут в виртуальном мире. Миллионы людей не могут жить без социальных сетей. Но также мы постепенно привыкаем и к другим цифрам и фактам. Например, миллионам молодых японцев поставлен психологический диагноз – зависимость от гаджетов. Уже появилось медицинское понятие «цифровое слабоумие». Более 90 % молодежи в мире «живут» в интернете. Ежедневно по 5-8 часов они «сидят» в интернете. А какой-нибудь 5-летний внук осваивает на раз очередной умный гаджет и обучает этому своего деда.

В этих разговорах мы увлекаемся тематикой про умные технологии и гаджеты. Кто-то реагирует на это всеобщим одобрением (ура прогрессу!), кто-то – негодующим запретом. И тогда десятки школ в нашей стране вдруг дружно начинают запрещать мобильники в классах. Школьник входит в класс – и гаджет на полку. Этакое принудительное разоружение: оружие сдать! Даже специальные полочки стали делать в классах, с ячейками. Очередное безумие. Очередное вопиющее признание собственного бессилия. Лучше запретить гаджет школьнику, чем пытаться хотя бы понять – что же с нами со всеми происходит?

Диагноз

А происходит то, что человек испытывает глубинный, неизбывный, смертельный, онтологический соблазн. Наш брат, человек, переживает соблазн периодически. Это понятно. Но нынешний тренд развития, связанный с разработкой и внедрением умных технологий в повседневность, во все сферы жизнедеятельности, загоняет человека в принципиально новую для него ситуацию, из которой он пока вылезать не собирается. Более того, ему нравится этот соблазн. И бороться он с ним не собирается. Поэтому важнейшим вопросом становится не вопрос о самих по себе новых технологиях, цифровой школе, роботах-учителях, сетевых программах, виртуальной педагогике и проч.

Вопрос состоит в том, что происходит с человеком, его базовой идентичностью, то есть с его мышлением, волей, воображением, памятью, то есть с его «высшими психическими функциями», которые (мы так всегда полагали) делали и делают его самим собой?

Дело в том, что человек впервые реально испытывает именно онтологический соблазн – он впервые испытывает искушение отказаться от самого себя. То есть, он может не быть. Точнее, он дает себе право не быть.

Мы привыкли к тому, что каждый человек, являясь в этот мир, имеет шанс быть, сбыться, состояться как человек, реализоваться. У него всегда была такая амбиция – стать человеком! И все усилия образования и культуры как институций были направлены на это: Ты человек! Ты имеешь шанс и право быть человеком! Все мировые антропологические учения только про это и говорили, пытаясь разобраться в главном кантовском вопросе – что есть человек? Спор шел лишь о том, в чем специфика бытия человека. Но все же бытия! И это понималось как норма человека (см. подр. [1]).

И что же случилось? Бытие человека можно сдать в утиль. А самого человека поместить в зоопарк в качестве экзотического существа, вымирающей особи. И провоцирует это его желание именно умный гаджет, цифра, забирающая его у него самого. Человек так увлекся техническим прогрессом, что по привычке, отдавая технике все новые и новые функции и работы, постепенно стал отдавать ей и самого себя, свои умные функции, те, которые он выполнял ранее сам и которые делали его тем самым собой. Именно умному гаджету человек отдает свои привычные ему работы – он может более не делать того, что делал раньше: писать, считать, запоминать, работать, и много чего еще. Делая эти работы, он и становился собой. А теперь все это можно отдать умной машине, которая год от года становится все умнее и умнее.

И где же та онтологическая граница, переходя которую, отдавая все новые и новые работы умной технике, человек в конце концов исчезнет как сущее? Мы уже подошли к этой черте? Ведь эта граница проходит не физически и не натурально. Она проходит в нас с вами, в нашем сознании.

Мы в своем сознании уже перешли черту? Или еще есть шанс не уйти из этого мира, а все же остаться?

Но факт налицо. Человек, поддавшись соблазну, фактически впервые в своей истории ставит себя на онтологическую границу – на границу себя как сущего, по ту сторону которой рождается Иное, иное существо по имени Постчеловек. И этому существу Бог уже точно не нужен.

Тем самым на вопрос, что же происходит с нами самими, пока ответ получается такой: человек, испытывая онтологический соблазн и поддаваясь на него, сам же себя онтологически дезориентирует. Попав в ситуацию онтологического соблазна, возможности не быть, он, получая в свои руки умную, сверхумную игрушку, начинает всерьез полагать, что он может стать бессмертным, превратившись в постчеловека (киборга, мутанта, клона). Введя в себя нанороботы, он не будет болеть, о чем говорит идеолог трансгуманизма Р. Курцвейл. Всерьез обсуждается проект 120-летнего человека. Человек, полагая, что он победил (почти) смерть, а главное – страх смерти, он тем самым избавляет себя и от другого, главного своего собеседника – Бога. Постчеловеку Бог не нужен. А если Бога нет, то

Тем самым вовсю заработал (как следствие соблазна и дезориентации) мощный тренд – тренд ухода человека как активного субъекта, замены его умными техническими устройствами.

Уже вовсю обсуждаются операции и диагностика болезней без хирурга и врача. Растет индустрия производства роботов-андроидов, которые выполняют функции и работы няни, учителя, гувернера, вахтера, тренера, медицинской сестры, курьера и т. д. Эпидемия коронавируса, кстати, в Китае всколыхнула еще более волну разработок в области робототехники и искусственного интеллекта. Страх контакта рождает спрос на умного технического, умного и не болеющего посредника – робота.

В школе и вузе не нужны преподаватели. Растет, становится массовым тренд онлайн обучения. На онлайн курсы в том же MIT записываются уже миллионы. На поле боя человек тоже уже не нужен. Он как активный солдат уходит с поля боя. Изобретается умное оружие. Строятся заводы-автоматы, цифровые двойники. Управление без управленца. Завод без рабочих. Повсеместно развивается беспилотная авиация, беспилотный транспорт. К 2035 году 65% пилотов окажутся без работы – их заменят беспилотники.

Следствием тренда ухода становится и другой тренд – виртуализация. Но это не про то, что человек сидит в интернете. Нет. Само по себе количество часов за компьютером или в соцсетях ни о чем пока не говорит. Главное в другом – в том, что основной ценностью и смыслом для человека становится именно присутствие, жизнь в интернете, в виртуале. Ведь проблема не в том, что подростки сидят днями в сетях. Они там не сидят. Они там живут! Проблема в том, что главная событийность и главная ценность их жизни перемещается для них туда, в виртуал. В этой привычной нам социаль-

ной жизни много проблем, нужно прилагать какие-то усилия, самому думать, за что-то отвечать, брать на себя ответственность, совершать поступки. А в виртуале всего этого не требуется. Там можно быть героем, не затрачивая усилий и ни за что не отвечая. Происходит ценностный сдвиг, смещение смыслового и событийного центра, смещение границы – и человек уходит туда, там он живет, там он герой, там его любят.

Сила соблазна

Почему же сработала провокация умного гаджета? Почему гаджет оказался таким провоцирующим фактором, толкнувшим человека на такой радикальный соблазн?

Попробуем ответить.

Да, так сложилось, что весь технический прогресс строился по логике органопроекции, строился на том, что человек стремился усилить себя, свое бренное тело, свои способности. Он же от рождения слабее цыпленка. И по принципу органопроекции он усиливал, усиливал, усиливал себя, свои органы, наращивая и приделывая к себе всякие разные технические прилады и устройства. И вот вместо лопаты – умный экскаватор с процессором. Начинается ведь все со вполне простых и безобидных, но весьма нужных вещей. Перестал хорошо видеть – надел очки, потерял руку – надел протез. Заболели, сгнили зубы – вставил новые. Слабые больные органы – сделал им искусственные заменители. А новые материалы уже позволяют преодолевать отторжение имплантов. Человек, его органы, оказались в принципе заменимы. Он сам оказался в принципе заменим. И его это устраивает!

Схема «протеза» при понимании логики развития так до сих пор остается базовой. И тогда вожди трансгуманизма возопили – человек заменим постчеловеком! Зачем нам больной, страдающий и смертный, когда можно сделать почти бессмертное существо? Дайте побольше денег – и мы решим эту задачу. И мозг сможем смоделировать. Они утверждают так именно потому, что для них человек – функциональное устройство, набор функций, хотя и сложных. А значит, его можно смоделировать и поместить в новое бессмертное тело.

Итак, первая причина соблазна и ухода: человек строил свое развитие по логике технического усиления себя с помощью орудий. И чем дальше, тем больше он развивал сферу техники, в результате чего техника становится средством, а человек становится приладой к машине. Ничего нового мы здесь вообще-то не сказали. М. Хайдеггер это говорил давно. И не только он. Но вопрос в том, что он и сам соблазна не избежал, когда в 1933 году стал ректором университета, вступил в члены НСДАП и крикнул: «Хайль!». А потом, грешный, всю жизнь отмывался. Ведь дело не в технике самой по себе. Дело в онтологическом изъяне нас самих.

А стало быть, есть и вторая причина, более глубинная.

Она заключается в том, что человек уже давно, когда-то однажды, в самом Начале, с сотворения себя Богом, уже испытал соблазн. Ведь как искушал его змей: «... нет, не умрете. Но знает бог, что в день, в который вы вкусите..., откроются глаза ваши и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 2, 4-5).

Искушение уже состоялось. Еще тогда. И человек уже вкусил запретный плод. Что это означает? Это означает то, что большинство людей предпочитают относиться к миру как к объекту потребления, пытки, порабощения и захвата. И само познание он превратил в пытку объекта (природы) и его захват. Ты возьми – и станешь. Тебе можно! Не затрачивая усилий. Причем – именно тебе можно. Может, кому-то и нельзя. Но тебе можно – бери! И такое искушение испытывает всякий, наедине с собой, когда на ушко ему шепчет искушитель: тебе можно. Соблазн велик. Можно взять – и стать! И без усилий. Просто взять. И не надо думать, работать, мыслить, чувствовать, отвечать, страдать. Можно и нужно брать – и тем самым ты получишь Силу и Власть. И... И тут подоспел умный гаджет, дающий (якобы) великую силу.

Но следующим шагом мы и попадаем в Освенцим. Ведь страшно признать, но фашистские палачи-врачи, делавшие опыты над узниками концлагерей, с точки зрения классической науки, лишенной этических запретов (отношение к природе, к миру как к объекту, который нужно захватить, подчинить себе), они проделывали абсолютно чистые эксперименты. Настоящие научные эксперименты над подопытными.

Мы привыкли, не замечая, быть может, того, что и саму жизнь, и научную деятельность, и искусство, и образование, выстраивать по этой схеме овладения, хватки, испытания, пытки, допроса: мы захватываем зрителя, читателя, ученика, подчиненного (заметим, мой сотрудник – это подчиненный!), добываем знания, технологии, осваиваем миры, другие страны, государства ради обладания. А знание и техника становятся орудиями захвата.

Метод допроса и испытания доминирует везде. ЕГЭ и вся идеология успеваемости в массовой школе – его яркое воплощение. Школу превратили в казарму. Металлоискатели, шмон на экзамене. Об унижении учеников никто и не думает. Как же, мы же за чистоту процедуры!

Но человек хочет забыть, что именно переживая страдание, переживая и проживая боль утраты, горе, соболезнуя и сочувствуя, человек вырабатывает в себе человеческое, строит ту самую духовную органику, которой от первого рождения у нег быть не может. Но отныне он не хочет страдать, думать, чувствовать, мыслить. Работа горя ему не нужна. Зачем? Но если раньше, испытывая соблазн, человек все же работал, трудился, страдал, молился Богу, понимая, что это его удел, то сейчас он допустил, что страдания закончились. И пришло тысячелетнее царство блаженства. Раньше у него не было умного гаджета. А теперь он есть. И он освободит его от тя-

гот земных. И наступит царство небесное. Замаячила перспектива безболезненного существования без страданий. Чем не рай?

А что говорит наука?

А наука живет своей жизнью. Ученые живут феодальными устоями и кастами. В науке доминирует такая институциональная форма самоорганизации ученых, как научная каста. Ученые со времен средневековья образывали свои касты и корпорации вокруг научных авторитетов, создавали научные академии, присваивали друг другу звания и должности. В кастах ученых создавались правила, нормы, регламенты, условия попадания в научную касту. Каждая каста проводит свои конференции, издает свои журналы, защищает свои диссертации, выстраивает свои иерархии, присваивает звания.

Про истину на самом деле уже все забыли. Все думают о привилегиях, пайках, целевых государевых деньгах, больших грантах, соревнуются по количеству публикаций и в величине индекса цитируемости и т. д. А государство оценивает успешность ученого по количеству публикаций, статей и монографий, качество которых опять же оценивают свои же соплеменники.

Смешно сказать, в настоящее время сотрудники НИИ отчитываются за полученные бюджетные средства (свои зарплаты) по госзаданию главным критерием – количеством опубликованных статей, которым присвоен индекс DOI. Например, ведущий научный сотрудник должен представить за год четыре таких статьи по госзаданию. Это главная форма отчетности. Если он получает грант, то публикации в его рамках в зачет не идут. По ним он отчитывается перед научным фондом. К этим показателям добавляется дополнительная опция – среди публикаций должны быть и статьи, опубликованные в изданиях, размещенных в международных базах WoS/Scopus. Больше от ученого формально ничего не требуется. Остальное связано сугубо с его инициативой и личной амбицией.

Представители разных сообществ (будь то физики или философы) при этом друг друга не читают и не цитируют. У каждой касты-племени есть свои тотемы и табу, свои герои племени, свои сакральные книги и символы, свои характерные способы мышления и коммуникации, свое разделение труда, свои критерии установления научной иерархии, свои способы отбора кандидатов на исследование неизученных миров и свой взгляд на другие племена.

Научный мир в России также разделен на дисциплинарную матрицу, на определенное число больших и малых научных «племен» со своими обрядами, ритуалами и церемониями. И каждое новое поколение молодых исследователей проходит обряд инициации, дабы попасть в научное племя.

Науке не до нас с вами, братья! Она обсуждает очередную Методику подсчета публикационной активности, вброшенную в сообщество ретивы-

ми чиновниками от Минобрнауки. Это же глобальная проблема – сколько весит та или иная статья и как считать эффективность ученого по публикациям, какие ему присваивать коэффициенты.

В общем, всеобщая и злостная имитация.

За этим всем стоит главное – страх. Раньше был страх Божий. Сейчас остался один, последний: страх быть не готовым. Когда к тебе придут и позовут. И призовут к ответу. А ты окажешься вновь (как всегда) не готовым.

Как писал молодой Л.С. Выготский еще в 1917 году: «Новый день застал нас неготовыми!».

А потому Новый день всякий раз застаёт нас неготовыми, потому что мы привыкли к стратегии ухватки, захвата. А захватывают обычно что? Чужое, не свое. Человек по жизни – вор. Он ворует чужое. А себя не имеет. Боится. Не хочет. Потому что страшно. И потому что надо трудиться и страдать. Но без гарантий. Потому и к другому он относится плево, как к вещи, объекту, который можно вот так взять и захватить, захватить, поработить, в пределе – убить.

И познание, и науку, он, человек, строил как захват, как этакую операцию по захвату, по вскрытию, как сделку для получения знания, с помощью которого можно обрести силу и власть. Он мир вскрывал как консервную банку – грубо, насильно, ножом. Как насильник овладевает женщиной. Для него нет тайны. Для него есть только секрет, засада, а значит надо сделать хитро – обмануть, объехать, кинуть, обхитрить и захватить.

Поэтому не удивительно то, что исследователи фактически разделились на три лагеря.

Один лагерь, гуманитарно (гуманистически) ориентированные исследователи, радеющие за человека, пытаются как-то понять, исследовать последствия влияния умных технологий на него. Они понимают, что эта игрушка опасна. Они пытаются как-то во всем этом разобраться. Но выбирают при этом смешную стратегию – стратегию защиты этого существа, вора и надсмотрщика над миром, то есть человека. Его эти гуманисты хотят защитить от умных гаджетов, уберечь. Ученые что-то там замеряют, придумывают тесты, проводят лонгитюды по поводу того, что там бывает, например, с молодыми людьми, когда те долго сидят в интернете. И получают результат – снижается у них, у бедных, эмпатия. Да им до лампочки эта ваша эмпатия! Им нравится жить в интернете! Они сделали свой выбор! Вы кого защищаете? Они не нуждаются в вашей защите!

А потому в научных исследованиях, посвященных тематике влияния на человека умных технологий, пока доминирует стратегия действия в духе этической экспертизы, базирующейся на идеологии защиты бедного человека от воздействия на него умных технологий.

При этом фактически почти все работы, особенно зарубежных авторов, не обсуждают антропологическую составляющую процесса внедрения

и влияния умных технологий. То есть сам человек, предпочитающий это влияние, ему это нравится, не обсуждается. Он остается как сторона незыблемая, но якобы страдающая от воздействия на него технологий.

Поэтому рядом сформирован другой мощный лагерь – лагерь сторонников развития умных технологий и замены ими человека. Этот лагерь огромный, пестрый, мощный, с большими ресурсами. Вооруженный идеологией трансгуманизма. Про него мы уже фактически сказали. Сторонники этого лагеря как раз считают, что все нормально, так оно и должно быть. Такова логика исторического процесса. И человек должен уйти. В том смысле, что должен уйти человек старый, привычный, страдающий и болеющий. И на его смену придет другой, Постчеловек.

Альтернатива

Есть и третий лагерь. Но он крайне немногочисленный. Лишь некоторые авторы стали делать попытки разводить так называемую этическую и гуманитарную экспертизу (за неимением лучшего этот термин употребляется чаще). Зачастую в реальной практике проведения и описания гуманитарная и этическая экспертизы отождествляются. Пока это различие институционально и понятийно не закрепилось (см. также [3; 4]).

Понятие гуманитарной экспертизы, кстати, в зарубежных исследованиях просто отсутствует. Западные авторы пишут о технонауках, техноэтике. В принципе отсутствует понятие и даже идея антропологической экспертизы. Последнее вполне объяснимо – ввиду того, что в исследованиях, как правило, отсутствует антропологический проект. Хотя я предпочитаю вообще говорить об антропологической альтернативе. Альтернативе тренду ухода человека.

Антропологическая экспертиза и альтернатива связана не с защитой слабого существа, а с выработкой разного рода антропологических практик испытания, преобразования, становления и развития человека, всякий раз восстанавливая норму человека. Но такие практики требуют усилия, преодоления, преодоления. Проблема состоит в том, что сам человек в своем большинстве предпочитает отказываться от принятой ранее нормы быть человеком, предпочитает радикально сменить собственную идентичность. Ему нравится испытывать онтологический соблазн. Он не хочет отказываться от привычной ему стратегии уловок и захватов. Он не хочет строить себе навигацию. Не желает торить тропинку личностного роста.

В ближайшей (лет в 50) перспективе, стало быть, так или иначе, но встанет вопрос: какой тренд побеждает? Тренд ухода или тренд альтернативы? Решать вопрос придется уже не нам. Но от нас зависит то, насколько точно и честно мы поставим диагностику ситуации человека и какой ответ этому вызову мы сформулируем (см. также [2]).

Ведь если мы в прошлом сотворены по образу и подобию Божию, то почему мы в будущем хотим уйти из этого мира?

Литература

1. Смирнов С. А. Онтология человека: рамки и топика // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 38-49.
2. Смирнов С. А. Образование как институт: вызовы и шансы // Практики развития: замыслы, технологии, контексты Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск: СФУ, 2019. С. 12–22.
3. Смирнов С. А., Яблокова Е. П. Антропологические границы гуманитарной экспертизы // Философская антропология 2019. Т. 5. № 1. С. 26–44.
4. Юдин Б. Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / Под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 214–237.